

УДК 821.161.1

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 года:
К ВОПРОСУ О ЗАКОНАХ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
МИФА ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СОБЫТИИ**

© 2013 г.

М.В. Загидуллина

Южно-Уральский госуниверситет, Челябинск

marta@csu.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Рассматривается мифотворчество новейшего времени, законы компрессии информации и принципы возникновения ярлыков как субститутов культурной памяти, формулировки основных законов мифотворчества в сфере истории на примере мифа о войне 1812 года (от стихотворения «Клеветникам России» Пушкина до шоколада «Гвардейский» Бабаевской фабрики).

Ключевые слова: миф, мифотворчество, Отечественная война 1812 года, русская литература, китчевые практики культуры.

По мнению П. Дебрецени, «антропологи изначально определили мифотворчество как попытку общества охватить те сферы опыта, которые кажутся вне рационального и технологического контроля... Более свежие исследования стремятся доказать, что символическая активность общества – мифотворчество среди них – не просто иррациональные попытки улучшить ориентацию в непознаваемом мире, но познавательная ценность, ведущая к жизнеспособной форме социальной организации. По мнению Клайда Клакхона, национальная система мифов формируется в древнейшие времена» [1, с. 225]. Ссылаясь на К. Клакхона [2], П. Дебрецени демонстрирует приверженность функциональному подходу, когда миф выступает в качестве «обслуживающей интересы общества» особой формы знания.

Как полагает П. Дебрецени, для российской ситуации «глубочайший вопрос связан с проблемой национальной идентичности. Мартин Малиа утверждает, что поиск этой идентичности вел русских мыслителей в объятия немецкой идеалистической философии. Можно добавить, что результатом широкого распространения идеалистических философских схем и стало мифотворчество. Минимум возможностей к достижению каких-либо серьезных политических перемен вел к росту символической деятельности» [1, с. 225].

Мы можем усомниться в «национальной привязке» мифотворческой модели и утверждать, что мифотворчество – общечеловеческая потребность, связанная более всего с «неуничтожимым нуминозным остатком», потребо-

стью в чудесном, необъяснимом, о чем говорил К.Г. Юнг. Л.О. Акопян в предисловии к изданию книги Юнга на русском языке замечает: «...мифотворчество – непрерывный процесс, свойственный человеку во все времена», при этом работает тот же механизм, что и в древности, не линейно связанный с задачей «объяснить мир вокруг» [3, с. 12].

Как бы то ни было, Дебрецени прав уже в том, что пытается обнаружить национальные особенности мифотворчества. Для русской нации он определяет это как феномен «страстотерпчества», возводимый им еще к истории Бориса и Глеба. С этой точки зрения, народная освободительная война, неизбежно сопрягаемая с героизмом и самопожертвованием, оказывается наилучшей мишенью для мифотворчества, более того, война непременно мифологизируется в силу ее национальной значимости, вовлеченности широких масс населения, «готовности» военной темы к включению в легендарные и мифологические повествования, а также, разумеется, длительной традицией, соотносимой с историей человечества вообще.

Но, говоря о принципах мифологизации войны, следует отметить, что война войне рознь. Прежде всего, очевидно, что в зону мифотворчества попадают именно общенациональные войны, а войны локальные остаются на периферии. Кроме того, мифотворческая активность возрастает вокруг войны победительной. Так, миф о войне 1812 года в России и во Франции никак не совпадает; впрочем, в англоязычной Википедии под заглавием "War of 1812" фигурирует огромная статья о войне Америки и Англии (о кото-

рой, возможно, в России мало кто знает). Точно так же неизвестна война 1812 года другим странам, не имеющим к ней прямого отношения. Но если говорить о французском мифе, то отдельным разделом статьи поставлен «Мороз». Во французском мифе это главный фактор гибели армии. Сам факт «земля покрылась снегом» выглядит во французской версии рассказа о походе 1812 года как катастрофа (сообщается точная дата установления снежного покрова – 7 ноября). При этом мифотворчество направлено в сторону героизации: «лошади гибли тысячами», «люди вслед за ними, но мужество солдат лишь росло по мере возрастания опасности» [4].

Обращаясь к национальному мифу о войне 1812 года, мы обнаруживаем ряд «ключевых узлов» мифологического нарратива. Их можно проследить в воспоминаниях о войне 1812 года [5]:

«Синекдохой всей войны с Наполеоном становится 1812 год – и конкретно Бородинское сражение. При этом сомнительный результат сражения легитимирован мифом как однозначная победа (сдача Москвы – лишь часть «грандиозного освобождения»). Лев Толстой приводит в своем романе удачную аналогию: «В русском войске по мере отступления все более и более разгорается дух озлобления против врага: отступая назад, оно сосредоточивается и нарастает. Под Бородином происходит столкновение. Ни то, ни другое войско не распадается, но русское войско непосредственно после столкновения отступает так же необходимо, как необходимо откатывается шар, столкнувшись с другим, с большей стремительностью несущимся на него шаром; и так же необходимо (хотя и потерявший всю свою силу в столкновении) стремительно разбежавшийся шар нашествия прокатывается еще некоторое пространство» [6].

Развернуто миф о Бородинском сражении представлен Лермонтовым в его стихотворении «Бородино», однако в еще более раннем тексте Пушкина «Клеветникам России» суть мифа фиксируется вполне конкретно:

*...И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?....
Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,*

Не в силах завинтить свой

измайльский штык?

Иль русского царя уже бессильно слово?

Иль нам с Европой спорить ново?

Иль русской от побед отвык?

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,

От финских хладных скал

до пламенной Колхиды,

От потрясенного Кремля

До стен недвижного Китая,

Стальной щетиною сверкая,

Не встанет русская земля?..

Так высылайте ж нам, витии,

Своих озлобленных сынов:

Есть место им в полях России,

Среди нечуждых им гробов [7, с. 269–270].

Обозначим основные «экстремумы» «заносчивого» и «надменно-гордого» текста Пушкина. Прежде всего, это пожар Москвы. В данном случае чрезвычайно важна коррекция исторического факта: вход наполеоновских войск в столицу России, с точки зрения мифа, не рассматривается как победа, а сожжение Москвы выступает актом высочайшего самопожертвования нации во имя сохранения своего суверенитета. Второй момент – «непризнание наглой воли» (= «не пошла Москва моя к нему с склоненной головою», «у советских собственная гордость» и др. примеры «надменного» национального пафоса) Наполеона (нравственная победа над ним). Третий «экстремум» – спасение Европы (неблагодарной, между прочим). Четвертое – медлительность русских («богатырь на постеле» – отсылка к теме Ильи Муромца, «долго запрягают, да быстро едут»), увенчивающаяся страшным размахом битвы («измайльский штык» – прямое указание на славные победы, одержанные русской армией). Еще одна важная деталь – «скифская» модель войны (встанет такое множество воинства, что Европе и не снилось, позднее у Блока «нас тьмы, и тьмы, и тьмы»). Здесь Пушкин прибегает к географическим маркерам, дважды измеряя страну с севера на юг и еще раз – с запада на восток. Это исчисление призвано напомнить Европе, что нет смысла спорить с такой громадой, что Европе и не представить наших просторов, и не охватить, и – тем более – никогда не завоевать. Наконец, последней точкой мифа о войне становится тема бескрайних русских полей как безымянной могилы врагов. Отметим, что мифема земли как могилы чрезвычайно сложна и символически перегружена (земля предков, в первую очередь). Добавление мифемы могилы для врагов имеет особый характер, угрожающе-монументальный

по своей сути. Гибель французской армии в бескрайних русских просторах представлена здесь как неизбежный и единственно возможный результат нападения. Обратим внимание, что здесь отсутствует тема «генерала мороза». Во французском тексте о кампании 1812 года говорится об ошибках Кутузова в сражении при Березине, поскольку фактически он позволил французам переправиться через реку и сохранить армию. В отечественном мифе представлена полная и неизбежная смерть врагов, которых «взяла» русская земля, выступающая здесь в качестве мистической силы, духа нации, оберега. Характерно, что к той же риторике прибегнет и М. Исаковский в 1943 году в тексте песни «Ой, туманы мои, растуманы»:

*На прощанье сказали герои:
«Ожидайте хороших вестей!»
И по старой Смоленской дороге
Повстречали незваных гостей.*

*Повстречали, огнем угощали,
Навсегда уложили в лесу
За великие наши печали,
За горючую нашу слезу [8].*

Тема «встречи» врагов как псевдогостей, их «угощения» огнем и «укладывания спать» навечно переключается и с текстом стихотворения «Бородино» Лермонтова. Таким образом, миф представляет войну 1812 года как очистительное действие, направленное против «наглых врагов».

Важно, что мифотворчество всегда граничит с романтизацией. Война 1812 года быстро превратилась в устойчивый набор манифестаций, во многом определенный созданием в Зимнем дворце галереи 1812 года. Более трех сотен портретов полководцев – участников военных событий – не могут не впечатлять именно массивностью замысла. Огромные залы, огромные станковые картины батальной тематики призваны навечно закрепить миф в искусстве и передать память о нем следующим поколениям. При этом неизбежно возникает устойчивый визуальный образ, некая проекция мифа. Для Отечественной войны 1812 года такой проекцией стал гусар. Справедливости ради отметим, что «гусар» со временем превращается в более-менее размытый образ «воина в форме XIX века» – и различия между кавалергардами, драгунами, казаками и гусарами начисто стираются. Для французского мифа визуальной фигурой становится именно "cossacs", казаки – но во внешнем представлении гусар и казаков разница невели-

ка. Интересно, что миф с течением времени находит свое пристанище исключительно в «тексте» культуры (таким текстом можно считать и Военную галерею в Эрмитаже, и роман «Война и мир» Льва Толстого). Однако жизнь мифа сохраняется только при условии постоянного ритуального воспроизведения.

Бронислав Малиновский замечает: «Всякий ритуал, всякое художественное воспроизведение того или иного религиозного сюжета в контексте поклонения реликвиям и святилищам, короче говоря, – любым зримым воплощениям прошлых сенсационных проявлений высшей благодати – возрождает к жизни определенный мифологический сюжет или эпизод. События мифологического прошлого играют определяющую роль, так же как нормы поведения и принципы социальной организации» [9, с. 278]. В этом смысле война 1812 года становится важнейшим примером «сенсационного проявления высшей благодати» (Толстой обозначил эту благодать как «дух войска»), а следовательно, и прекрасным (обязательным) элементом социализации новых поколений. Именно поэтому, например, такую популярность имеют «марши барабанщиков-гусаров», ритуальные модели транслируются в формы шоу-бизнеса (например, гусарская форма-травести для танцовщиц). Совершенно особое место в ритуальных практиках воспроизведения мифа играет еда. В Москве открыт «русский ресторан» «Денись Давыдовъ», устраиваются «тематические обеды».

Отношение к ритуальному «поеданию» («приращению») каких-либо субститутов мифа давно и многогранно рассматривалось в науке. Здесь можно говорить о неизбежности китчевых форм культуры, поскольку только так она может транслироваться «вширь». Интерес представляет отношение к таким формам. Например, один из авторов обширного ресурса, посвященного 1812 году, главный редактор сайта О.В. Поляков собирает коллекцию этикеток шоколада «Гвардейский» Бабаевской фабрики. Сами этикетки рассматриваются автором как прекрасный пример приобщения к мифу о войне широкого населения, а шоколад при этом описывается как достойное и качественное «тело» в этой «исторической одежде». Но тот же автор выступает резко против «попсовой» рекламы сухариков «Хрустим» с Павлом Волей, усматривая в самом стиле рекламы покушение на святых [10]. Где грань между «дозволенным» и «непозволенным» в ритуально-китчевых практиках? С точки зрения научного обобщения этой стороны культуры, следует заметить, что большой разницы

нет. Более того, вряд ли существуют механизмы регуляции, освобождающие культуру от подобных практик. Напротив, такое «приобщение» к прошлому есть смысл рассматривать как неизбежный «формат» «сползания харизмы» (по М. Веберу) – когда какая бы то ни было «сенсация высшего участия» начинает укореняться и укрепляться в веках как часть национальной самоидентификации. Так что и шоколад «Гвардейский» (позднее та же фабрика предложила и линейку шоколада «Бородинский»), и сухарики «Хрустим» с наглым П. Волей, самозванно «захватившим» одеяния самого Кутузова, а также с хорошо узнаваемой буханкой бородинского хлеба перед ним, – все это часть национального мифа об Отечественной войне 1812 года как уже устоявшейся позитивной модели национальной гордости. Миф «снимает» все сложные и запутанные моменты исторического события, «подминает» их под свои задачи (мы могли видеть такую проекцию событий во французском мифе, интерпретирующем все те же события в ключе национальной гордости «противной стороны»).

Тема национальной гордости как основы любой мифологии до сих пор остается на периферии исследований. Между тем для современной науки было бы чрезвычайно значимо изучить основные механизмы создания актуальных мифологий национального уровня «по горячим следам», не дожидаясь, когда историческое событие превратится в краткий ярлык, уже не разворачивающийся в цельное повествование.

Список литературы

1. Débrecezy P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian culture. Stanford, California: Stanford University Press, 1997. 282 p. VIII p.
2. Kluckhohn C. Myth and Ritual: A General Theory. Harvard Theological Review 35, 1. 1942. P. 45–79.
3. Карл Густав Юнг о современных мифах: сб. тр. / Пер. с нем., предисл. и примеч. Л.О. Аюпяна / Под ред. М.О. Оганесяна и проф. Д. Г. Лахути. М.: Практика, 1994. 251 с.
4. Campagne de Russie (1812) [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://fr.wikipedia.org/wiki/Campagne_de_Russie_\(1812\)](http://fr.wikipedia.org/wiki/Campagne_de_Russie_(1812)) (дата обращения 18.05.2012).
5. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 310 с.
6. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 8 т. Война и мир: т. 3, 4. М.: Лексика, 1996 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/11/index.html> (дата обращения 20.05.2012).
7. Пушкин А.С. Клеветникам России: («О чем шумите вы, народные витии?..») // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. 1948. С. 269–270.
8. Исаковский М. Стихи и песни. М.: ГИХЛ, 1957 [Библиотека советской поэзии] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=gastuman> (дата обращения 20.05.2012).
9. Малиновский Б. Магия, наука и религия: Пер. с англ. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с. [Серия "Astrum Sapientiae"].
10. Интернет-проект «1812 год» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.museum.ru/museum/1812/News/khrus_team.html (дата обращения 20.05.2012).

1812 PATRIOTIC WAR: THE MECHANISMS OF THE FORMATION AND FUNCTIONING OF A HISTORICAL MYTH

M.V. Zagidullina

The article deals with myth-making of modern times, the laws of information compression and the emergence of labels as a substitute for cultural memory. The myth of the 1812 Patriotic War is considered in relation to kitsch practices in a culture.

Keywords: myth, 1812 Patriotic War, Russian literature, kitsch practices in a culture.